

**Тигран Хачатрян**

**РОЛЬ ТУРЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ  
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ  
В 90-Х ГГ. XIX ВЕКА**

**Ключевые слова** - Восточный вопрос, Ближний Восток, Малая Азия, раздел Турции, черноморские проливы, международная оккупация, Османская империя.

Обеспечение мира, возможность избежать войны сохраняются практически в любой ситуации при условии равновесия в международных отношениях. Такое равновесие может обеспечиваться как безусловным доминированием одной державы, так и существованием двух или более государств и союзов, т.е. балансом сил. Первые робкие шаги в Европе на пути сохранения баланса сил предпринимались еще в 26 января 1699 г. в Карловице, когда «Священная Лига» одержал победу в Европе над Османской Турцией и заключил с ним мирный договор. В нем в первые звучало о соглашении *uti possidetis*-сохраним то что имеется<sup>1</sup>.

Одним из методов реализации системы «баланса сил» в период, предшествовавший окончательному разделу Европы на блоки в последнем четверти 19-го века, был «европейский концерт» – совместные действия шести европейских государств: Великобритании, Германии, Франции, России, Австро-Венгрии и Италии. В полном составе «концерт» организовывался достаточно редко, и один из последних периодов его существования связан с обострением Восточного кризиса в 1890-х гг. В условиях роста обоюдных противоречий великие державы использовали «европейский концерт» для защиты своих внешнеполитических интересов возможности двухсторонних соглашений, прежде всего в регионах, где эти интересы были наиболее значимы, а также предпринимали попытки единоличных дипломатических акций.

Вторая половина XIX века была важнейшим этапом в формировании новых политических идей и принципов государственного управления, складывавшихся в Османской империи после Крымской войны 1853-1856. В итоге «победоносной» войны политическая и экономическая зависимость империи от Запада стала фактором, определявшим внешнюю и внутреннюю политику этого государства.

В системе международных отношений на рубеже XIX-XX вв. важную роль по-прежнему играла ситуация в Восточном Средиземноморье и в связанном с ним Причерноморском регионе, включая Малую Азию и Балканы. Великобритания, нуждавшаяся в защите восточносредиземноморских коммуникаций (подступы к Суэцкому каналу), связывающих метрополию и колонии, стремилась также к расширению своего влияния в Турции. Константинопольская конвенция 1888 г. по Суэцкому каналу провозглашала его открытие для мореплавания флотов подписавших

---

<sup>1</sup> Байбурдян В., История Османской Империи, Е. 2011, с. 296, 332.

ее государств<sup>1</sup>. Британская дипломатия в определении тактики по Восточному вопросу учитывала и наличие этой конвенции как прецедента в вопросах свободы судоходства, и значимость для России проблемы черноморских проливов. Великобритания активно поднимала проблемы, связанные с вероятным разделом Османской империи<sup>2</sup>, что означало возможность укрепления Великобритании в районе Дарданелл. Глава российского МИД князь А.Б.Лобанов-Ростовский в беседе с Вильгельмом II 30 сентября (12 октября) 1895 г. подчеркнул значимость для безопасности России проливов и принципа закрытия Черного моря для военных судов. Великобританию ни в коем случае нельзя было допускать к Дарданеллам, так как никакие шаги со стороны России не могли компенсировать возникших осложнений<sup>3</sup>.

Основная же причина заключалась в изменении торговых путей после завершения строительства Суэцкого канала в 1869г., что могло открыть Франции дорогу к Индии и чего Великобритания постоянно опасалась. Для британских политиков и бизнесменов целосность Османской империи становилась задачей гораздо менее важной, чем непосредственный контроль над Египтом. В период правительства В. Гладстона (1868-1874) Стамбул все более ускользал от влияния британского посла, в то время как британская активность в Каире набирала новую мощь. К этому же времени (1871) завершилось объединение Германии. С этим значительно усилившимся после победы над Францией немецким государством западным державам приходилось считаться не только в Европе, но и на Востоке. Германская империя, используя слабость Франции и связи с Австро-Венгрией, уверенно завоевывала позиции в Османской империи. Германия начала предоставлять Порте кредиты, оказывала помощь в железнодорожном и городском строительстве, реорганизации армии.

Благодаря сильным позициям в турецкой экономике Великобритания все еще пыталась извлекать пользу из внешнеполитических затруднений Османской империи. Ей удалось дипломатическим путем сильно урезать те преимущества, которые могла бы получить Россия благодаря победам, одержанном в русско-турецкой войне 1877-1878, и при этом захватить Кипр, важнейший стратегический пункт в Средиземноморье<sup>4</sup>. В 1875 г. английский премьер-министр Б. Дизраэли, воспользовавшись финансовыми затруднениями египетского хедива, купил у него все акции Суэцкого канала, опередив Францию. С этого времени англичане начали определять «политику» компании Суэцкого канала, ввели в Порт-Саид и Суэц свои войска<sup>5</sup>.

В напряженной ситуации обострения кризиса Оттоманской Порты российская дипломатия опасалась резких перемен в Константинополе, особенно вызванных «иностранным влиянием», что «могло бы дать пищу мусульманскому фанатизму»<sup>6</sup>. «Поддержание «status quo» в Турции, – говорил лорду Солсбери русский посол в

---

<sup>1</sup> См.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856 -1917, М., 1952, с. 271-276.

<sup>2</sup>См.: Болховитинов Н. Н., О позиции Солсбери в Восточном вопросе осенью 1896 г. // Проблемы британской истории. 1973, М., 1973, с. 268. В ходе англо-германских переговоров Солсбери высказал мысль о возможных уступках России в вопросе о проливах, разумеется, с учетом территориальных интересов и других европейских держав. В 1895 г. немецкий посол в Лондоне П. Гацфельд направил в свой МИД несколько донесений, в которых сообщал о тенденциях к разделу Турции в английской политике и даже о готовности британского премьера Солсбери отдать проливы России.

<sup>3</sup> Ламздорф В. Н., Дневник 1894 -1896, М., 1991, с. 269.

<sup>4</sup> Киняпина Н. С., Внешняя политика России во второй половине XIX в., М., 1974, с. 185.

<sup>5</sup> Ерофеев Н. А., Английский колониализм в середине XIX в., М., 1977, с. 162.

<sup>6</sup> Секретная записка русского посла в Лондоне Е. Е. Сталя о беседе с лордом Солсбери, 21 сентября 1896 г., // Проблемы британской истории, М., 1973, с. 272.

Лондоне Стааль, - попрежнему является главной чертой нашей политики в этом районе. ... Он отвечает-интересам всех держав»<sup>1</sup>. В 1896 г., в ходе разрастания Восточного кризиса, недоверие официального Петербурга к действиям Великобритании усилилось. Николай II в резолюции на телеграмме русского посла в Турции, сообщавшей о беседе английского посла с французским поверенным в делах в Константинополе, написал: «Я против соглашения с Великобританией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции»<sup>2</sup>.

Менее заинтересованы в турецких делах были и державы Тройственного союза. Германия еще в 1882 году отправила в Константинополь специальную военную миссию во главе полковника Келера, а в 1888-1889 гг. начала борьбу за железнодорожные концессии в Османской империи. Соперничество в области железнодорожного строительства было одним из проявлений борьбы европейских империй за сферы экономического и политического влияния. По разным причинам против германских планов выступали Великобритания, Франция и Россия, что, тем не менее, не привело к ослаблению натиска германского капитала, и «Немецкий банк» получил концессию на строительство Багдадской железной дороги<sup>3</sup>.

Экономическое проникновение Германии в Малую Азию и на Ближний Восток затрагивало не только британские, но и французские интересы, поскольку именно французские банки были наиболее заинтересованы в проблеме Оттоманского долга. Защищая экономические интересы французских держателей акций в Турции, министр иностранных дел Франции Аннот стремился использовать влияние России, особенно настойчиво добиваясь включения русского представителя в Совет Оттоманского долга<sup>4</sup>.

Одним из аспектов Восточного вопроса была балканская проблема. Балканы оставались сферой преимущественных интересов России и Австро-Венгрии. Дипломатия Австро-Венгрии решала задачу упрочения позиций своей страны в Боснии и Герцеговине, оккупированных ею по постановлениям Берлинского трактата 1878 г., а также в независимых балканских государствах. В первой половине 1890-х гг. австрийское влияние в регионе значительно усилилось. Австро-Венгрия, как и Германия, использовала железнодорожное строительство в качестве средства экономической экспансии. Австрийская железная дорога связывала Сербию с портами Средиземного моря<sup>5</sup>. Австрийский капитал активно проникал в экономику Болгарии, Черногории, где сталкивались австро-итальянские интересы. И Австро-Венгрия, и Италия стремились к новым территориальным приобретениям на Балканах. Правительство империи Габсбургов одной из первоочередных целей считало занятие анклава, разделявшего Сербию и Черногорию, против чего решительно выступала Россия<sup>6</sup>. В ходе нового обострения Восточного вопроса в 1895 - 1898 гг. российский

---

<sup>1</sup> Там же, с. 273.

<sup>2</sup> Резолюция Николая II на телеграмме А. И. Нелидова, См. Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный Архив, 1931, № 4-5 (Т. 47-48), с. 55.

<sup>3</sup> См.: Туполев Б. М., Багдадская железная дорога и экспансия германского империализма в конце XIX - начале XX в., // Исследования по истории германского империализма начала XX века, М., 1987, с. 168, 170.

<sup>4</sup> Доклад М. Н. Муравьев о результатах путешествия его в Париж. См.: Заграничное путешествие М. Н. Муравьева в 1897 г. // Красный Архив, №4-5 (Т.47-48), 1931, с. 75-76.

<sup>5</sup> Краткие сведения о торговле в придунайских королевствах, Материалы специальной экспедиции московского биржевого комитета. М., 1893, с. 27.

<sup>6</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 568, Оп.1, Д.58. Конспекты всеподдан-

МИД занял твердую позицию, заключающуюся в том, чтобы не допускать «со стороны Австрии никаких притязаний на Балканском полуострове, вне присужденного ей Берлинским договором», а равно и «захвата Албании Италией»<sup>1</sup>. Таким образом, Россия видела в сохранении существующего положения в регионе главное условие безопасности своих экономических и политических интересов. Тем большее волнение вызывало у российских государственных деятелей, дипломатов и военных появление вблизи района проливов английского флота<sup>2</sup>.

Обострение ситуации в Турции в 1894-1895 гг., связанное с первым этапом геноцида армянского населения<sup>3</sup>, вызвало новое вмешательство великих держав во внутренние дела Османской империи. В разрешении конфликта первоначально участие приняли лишь три из них – Россия, Великобритания и Франция. Это говорило не в пользу возможности сохранения «европейского концерта», хотя во время визита Николая II в Великобританию и Францию в 1896 г. соглашение о сохранении «концерта» и совместных действий, казалось, было достигнуто<sup>4</sup>. После смерти А.Б.Лобанова-Ростовского 18(30) августа 1896 г. управляющим делами российского МИД стал осторожный и нерешительный Н.П. Шишкин, и возросла роль посла в Константинополе А.И.Нелидова – главного сторонника активной политики России в Восточном вопросе.

Нелидов 6(18) сентября 1896 г. писал, что у лондонского кабинета едва ли «был уже ясно выработан план дальнейших действий, который был бы направлен к разрушению турецкой империи»<sup>5</sup>, что целью британской дипломатии было «подготовить почву для более широкого обмена мыслями с Россией относительно будущего Оттоманской империи». Имелось в виду заявление английского посла в Константинополе Ф.Керри о желании английского правительства идти заодно с Россией и Францией в вопросах, «имеющих неизбежно быть поставленными на очередь на Востоке». Сохранение status quo на европейском Востоке, по мнению Нелидова, «было едва ли возможно», а для России вопрос о проливах «составляет зерно всей восточной задачи». В сентябре 1896 г. английский флот уже находился вблизи проливов. Для нейтрализации возможных действий Великобритании посол

---

нейших докладов на высочайшее имя. 1897 г. К докладу 22 апреля 1897 г., Л. 23.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> О проблеме проливов существует большое число исследований. См. напр: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX вв. / Под ред. Н. С. Киняпиной, М., 1978; Горяинов С., Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса по дипломатической переписке, СПб., 1907; Гришина М. М., Черноморские проливы во внешней политике России 1904 - 1907 гг., // Исторические записки. 1977, № 99, М., 1978, с.140-182; Дронов Б. А., Черноморские проливы. Международно-правовой режим, М., 1948; Жихарев С., Русская политика в Восточном вопросе, Т.1, М.,1896; Киняпина Н.С., Внешняя политика России второй половины XIX века, М., 1974; Киняпина Н. С., Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878 - 1898), М., 1994; Лаврова Т. В, Черноморские проливы (Исторический очерк), Ростов-на-Дону, 1997; Министерство иностранных дел, Записка по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы, СПб., 1905; Нольде Б. Э, Босфор и Дарданеллы // Русская мысль, М., 1911, Кн. IV; Россия и Черноморские проливы (XVIII - XX столетия) / Под. ред. Л. П. Нежинского, А. В. Игнатьева, М., 1999.

<sup>3</sup> В отечественных исследованиях доказано, что под государственным покровительством султанским правительством в Западной Армении 90-ых годах 19-го века происходил первый этап армянского геноцида. См. напр: Нерсисян М. Г., Непровержимые документы о геноциде Армян, Е. 2005 г. с. 14; Сафрастян Р., Османская Империя: Генезис программы геноцида (1876-1920 гг.), Е. 2009 г., с. 33, 167-168.

<sup>4</sup> Секретная записка русского посла..., с. 272 -273; История дипломатии: В 3, Т.2., Дипломатия в новое время. 1871 - 1914, М., 1963, с. 339-342.

<sup>5</sup> Письмо посла в Константинополе А. И. Нелидова на имя управляющего министерством иностранных дел Н. П. Шишкина, 6(18) сентября 1896 г. См.: Проект захвата Босфора в 1896 г., с. 56.

России считал необходимым рассмотреть вопрос о занятии «нами проливов в случае [возникновения] ... исключительных событий», однако единоличное вмешательство России становилось затруднительным, и возрастало «вероятие» общеевропейских действий. По мнению А. И. Нелидова, вмешательство Европы «неизбежно приведет к самому опасному для нас исходу... – установлению на Босфоре международной комиссии, контроля, опеки или иного учреждения, которое передало бы проливы в руки Европы или, в самом благоприятном случае, объявило бы их открытыми для военных судов всех государств». Такое вмешательство несло не меньшую угрозу, чем появление на проливах английского флота<sup>1</sup>. Эту позицию Нелидова в целом можно считать общей позицией российского МИД: для России равно опасно как вторжение английского флота, так и совместная европейская акция в районе Константинополя.

С точки зрения Нелидова, оказывавшего большое влияние на формирование позиции России, ослабление Турции и усиление влияния европейских держав создало бы «невыносимое положение для России: ее существенные интересы были бы принесены в жертву Европе, ее безопасность в Черном море, а равно и свободное сообщение с Средиземным, навеки были бы утрачены, ибо великие державы, несомненно, поспешили бы там прочно обосноваться, и только одна шестая часть этой общей силы и власти принадлежали бы нам»<sup>2</sup>. Для ограждения русских интересов посол вновь рекомендовал скорейшее занятие российским флотом Верхнего Босфора с высадкой там десанта<sup>3</sup>.

23 ноября 1896 г. состоялось совещание с участием Николая II, военного министра, министра финансов, управляющего морским министерством, начальника Главного штаба, управляющего министерством иностранных дел, российского посла в Константинополе. Совещание постановило, что послу России, вместе с представителями других великих держав, необходимо изыскать «средства для упорядочения и поддержания Оттоманской империи. Избегая, однако, таких мер, которые клонились бы к постепенной замене турецких правительственных учреждений общеевропейскими и к установлению международных порядков на берегах проливов». В «Заключении совещания» говорилось также, что в случае морской демонстрации, даже при участии русской эскадры, Россия не могла бы допустить «вступления значительного числа иностранных государств в Дарданеллы, не заняв одновременно Верхнего Босфора для обеспечения установленного трактатами закрытия прохода в Черное море»<sup>4</sup>.

В 1896 г. «европейский концерт» одновременно и привлекал и отталкивал русскую дипломатию. Этот способ решения международных проблем продолжал оставаться в арсенале российской дипломатии, поскольку сил для единоличной акции у России было недостаточно. Против односторонних действий выступали крупные политические и государственные деятели России. С. Ю. Витте предрекал односторонней операции как «гибельные последствия»<sup>5</sup>. А. А. Половцов, граф К. И. Пален, великий князь Алексей Александрович считали «подобное предприятие» очень опасным для

---

<sup>1</sup> Там же, с. 57-58.

<sup>2</sup> Записка А. И. Нелидова от 18 (30) ноября 1896 г., там же, с. 61-62.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Заключение совещания, состоявшегося под высочайшим Государя Императора председательством, в Царском Селе, в субботу 23 ноября 1896 г. Там же, с. 65-66.

<sup>5</sup> Письмо С. Ю. Витте на имя Н. П. Шишкина. 6 декабря (24 ноября) 1896 г., там же, с. 67.

России<sup>1</sup>. Активность императорского Петербурга вызывала тревогу и союзницы России - Франции. Министр иностранных дел Франции Аннот согласовал с Н. П. Шишкиным три основных пункта: «поддержка турецкой империи, никаких сепаратных выступлений и никакого кондоминиума»<sup>2</sup>. Эти «три пункта, - сообщил Н. П. Шишкин послу Нелидову, - соответствуют взглядам Его Величества». Решения 23 ноября, по мнению российского МИДа, не имели отношения «к данной фазе переговоров». Послу предписывалось «ничего не ускорять»<sup>3</sup>. Тем не менее, военные приготовления России к возможной операции на Босфоре продолжались в 1897-1898 гг.

Положение в Турции, прежде всего в Константинополе, было одной из главных тем в беседах графа М. Н. Муравьева с Аннотом, президентом Франции Ф. Фором и премьер-министром Меллином во время его визита в Париж в январе 1897 г. Несмотря на заявление Аннота о готовности Франции поддержать «образ действий» России во всем «относительно Турции» в позициях союзников заметны существенные различия. Главное направление совместных действий в Константинополе Аннот видел во включении русского представителя в Совет Оттоманского долга. Это предложение было уже отклонено Россией, и Муравьеву пришлось «категорически объявить», что «мы не согласимся на раз отказанное». Аннот предполагал также, в случае серьезных беспорядков в Константинополе, действия соединенных флотов. Но и этот шаг, как уже отмечалось и как говорил Муравьев французскому министру, не отвечал интересам России. Попытка Аннота обсуждать условия занятия Босфора русскими силами, а тем более предложение услуг французской дипломатии для того, чтобы «разведать взгляды» великих держав «и подготовить их к подобному нашему шагу», вызвали у его российского коллеги еще более негативную реакцию. «Обсуждение подобной случайности было бы не только неудобно, но даже вредно, так как могло бы привести к обсуждению раздела Турецкой империи». В ходе всей беседы Муравьев уклонялся от обсуждения вопросов о времени, необходимом для занятия Босфора. Как писал он в своем «Всепопданнейшем докладе»: «Я не счел нужным входить в пространные объяснения по этому вопросу»<sup>4</sup>.

Ближний Восток и Балканский полуостров представлялись британским капиталистам доступной сферой для экономической экспансии и политического влияния. Османская империя располагалась на важнейших стратегических и торговых путях, обладание которыми являлось для великих держав неременным условием достижения морского господства и мировой гегемонии.

В последующих переговорах в связи с оттоманскими делами затрагивалась и позиция Великобритании. При этом французский президент обратил особое внимание Муравьева на франко-английские и англо-русские противоречия и в других регионах. Муравьев, в свою очередь, утверждал, что «для Англии мы неуязвимы, что в отношении Франции, идущей рука в руку с нами, Англии, при сильном на нее напоре, всегда придется уступать: постоянным примером служат сначала афганские дела, потом наши успехи на Востоке и, наконец, настоящая неудача задуманных ею

---

<sup>1</sup> Из дневника А. А. Половцова. 11 января 1897 г. // Красный Архив, 1931, № 3 (Т.46), с. 117-118.

<sup>2</sup> Телеграмма А. И. Нелидова Н. П. Шишкину, 18 (6) декабря 1896 г. См.: Проект захвата Босфора в 1896 г., с. 68.

<sup>3</sup> Проект телеграммы Н. П. Шишкина А. И. Нелидову, 20 (8) декабря 1896 г. // Там же, с. 68-69.

<sup>4</sup> Всепопданнейший доклад М. Н. Муравьева о результатах путешествия его в Париж, с. 79.

козней»<sup>1</sup>. Вполне вероятно, Муравьев намеренно успокаивал французскую сторону, чтобы избежать вопроса о позиции России в нарастающих франко-английских конфликтах по колониальным вопросам. В целом франко-русские переговоры можно было все же расценить как весьма успешные. Стороны продемонстрировали полное желание действовать совместно при решении спорных проблем. Не случайно Николай II сделал на докладе пометку: «Прочел с большим удовольствием»<sup>2</sup>.

В Берлине и Киле Муравьеву также пришлось обсуждать вопросы, связанные с безопасностью русских интересов в Турции. Германская сторона дала понять, что во всех затруднениях на Востоке виновата Великобритания. Муравьеву пришлось даже умерить пыл германских партнеров по переговорам, призывая не подталкивать Великобританию к «крайним мерам, которые далеко не желательны»<sup>3</sup>. Германский император принял Муравьева в Киле 19 января 1897 г. Ожесточенно нападая на «вероломство Великобритании», он одновременно стремился не допустить и активных действий России. Поэтому Вильгельм II привел мнение первого лорда адмиралтейства Великобритании, что английские суда в случае их ввода в Дарданеллы очутились бы «между двумя огнями, то есть... черноморским флотом (России) и французским - Средиземного моря»<sup>4</sup>. По утверждению кайзера, у Великобритании не было достаточно сил для большого сухопутного десанта. Для российской стороны самым важным было сделанное кайзером заявление, что он удержит от активных действий Австрию.

Подводя итоги своим переговорам в Париже и Берлине, Муравьев писал, что «нашел одинаковую ненависть к Великобритании, убеждение в двуличности и коварстве ее политики и решение всеми силами противодействовать ее интригам»<sup>5</sup>. Напротив этого заключения русский император специально заметил: «Важное сообщение»<sup>6</sup>. Николай II, видимо, полагал, что недоверие к политике Великобритании позволит оказать влияние на позиции других основных действующих лиц европейской политики, что это недоверие можно и должно использовать в российских интересах.

В 1897 г., после восстания на Крите, российская дипломатия сочла возможным возродить политику «европейского концерта». 9 февраля 1897 г., министерство иностранных дел направило телеграмму в Париж, Берлин, Вену, Рим и Лондон, с предложением о совместном дипломатическом демарше по критскому вопросу. В четырех столицах предложения были приняты, и, по мнению российских дипломатов, «Англии будет трудно уклониться»<sup>7</sup>. Речь шла лишь о выборе методов и форм дипломатического воздействия на Грецию. Это могли быть или прямые действия флотов и вооруженных сил, или блокада. Но предложение блокады, сделанное в это время послом России в Вене графом Капнистом, не находило поддержки ни в Вене, ни в Петербурге, где полагали, что «нам подобного почина принимать не было надобности». Помнили в российском МИД также, что «предложение блокады, *очень ясно сделанное* императором Вильгельмом, чуть не расстроило европейского

---

<sup>1</sup> Там же, с. 81.

<sup>2</sup> Там же, с. 75.

<sup>3</sup> Всеподданнейший доклад М. Н. Муравьева о результатах путешествия его в Берлин в январе 1897 г. См.: Заграничное путешествие М. Н. Муравьева в 1897 г. // Красный Архив, 1931 г., № 4-5 (Т.47-48), с. 86.

<sup>4</sup> Там же, с. 87.

<sup>5</sup> Там же, с. 89.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> ГАРФ, Фонд 568, Оп.1, Д. 58, Л. 7-8.

соглашения»<sup>1</sup>.

Одной из главных целей российской внешней политики и в этих условиях оставалось предотвращение односторонних действий Великобритании. Как допустимая мера рассматривалась франко-итальянская оккупация Крита, в случае отказа этих последних – международная оккупация, чтобы не допустить английской. 9 (21) марта 1897 г. была объявлена блокада Крита «соединенными эскадрами». Блокада касалась «всех судов под греческим флагом. Судам невеликих держав и нейтральным предоставлено входить в порты, занятые державами, и выгружать товары, если только таковые не предназначены для греческих войск или для местностей, лежащих внутри острова. Входящие суда могут подвергаться осмотру со стороны военных судов международного флота»<sup>2</sup>. 26 марта 1897 г. в докладе на высочайшее имя был сделан подробный анализ ситуации, сложившейся в международных отношениях после начала греко-турецкого конфликта. Необходимо было «поддержать европейское соглашение» как для разрешения «критского вопроса мирным путем», так и потому, «что оно должно было служить для устройства всех вопросов, поднятых в Турции. ... Только авторитетом этого общеевропейского согласия могли быть предупреждены неурядицы на Балканском полуострове». Предыдущие положения доклада были приняты Николаем II – часть доклада, была заключена в фигурные скобки на полях и сопровождалась надписью на двух языках – французском и русском: «Одобрено. Царское Село. 26 марта 1897 года»<sup>3</sup>. Было очевидно, что в сложившейся ситуации военная операция на Босфоре могла только ослабить позиции России на Черном море и создать угрозу не только ее экономическим и политическим интересам в регионе, но и несла угрозу стабильности границам страны.

Одним из главных сторонников сближения в новых условиях стал посол России в Вене граф Капнист. 1 апреля 1897 г. на докладе у императора был проведен разбор записки Капниста о соглашении России и Австро-Венгрии. Российская дипломатия полагала необходимым в сложившейся ситуации «поддержать стремление Австрии сблизиться с нами и, не связывая себя никакими обязательствами, внушить ей полное доверие»<sup>4</sup>. В результате визита Франца-Иосифа в Петербург и обмена письмами между австрийским и русским министрами иностранных дел в мае 1897 г. было зафиксировано стремление сторон к сохранению status quo, поскольку Россия отвергла территориальные притязания Австро-Венгрии<sup>5</sup>. Таким образом, в ходе Восточного кризиса Россия, не забывая традиционных целей по укреплению своих позиций в проливах, отказалась от идеи военной операции по занятию даже Верхнего Босфора. Любая военная активность в регионе, кто бы ни был ее инициатором, представляла большую угрозу для торговли и политической безопасности страны, чем поддержание слабой Турции и даже неустойчивого равновесия в регионе. Такое равновесие выгоднее было обеспечить соглашением с Австро-Венгрией, а не с Великобританией. Заключение австро-русского соглашения в 1897 г. гарантировало, хотя бы на время, стабильность на Балканах. Удалось вопреки стремлениям британской дипломатии не

---

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Объявление о блокаде Крита // Ежегодник МИД. 1899, СПб., 1899, с. 311.

<sup>3</sup> ГАРФ, Фонд 568, Оп. 1, Д. 58, Конспекты всеподданнейших докладов на высочайшее имя. К докладу 26 марта 1897 г., Л. 19.

<sup>4</sup> Там же, К докладом 1, 8 апреля 1897 г., Л. 19, 21.

<sup>5</sup> Сборник договоров России... , с. 303-308.



допустить начала раздела «оттоманского наследства».

Сложившаяся ситуация на международной арене связанная с греко-турецкой войной и вопросом об автономии Крита в 1897-1898 гг., несла угрозу нарушения баланса сил в регионе, усиления Великобритании, традиционно поддерживавшей Грецию, и Германии, чье влияние росло в Турции. Поэтому Франция и Россия стремились использовать возможности «европейского концерта». Французское предложение об организации на острове временного правительства высшим руководством совета четырех адмиралов – Великобритании, Франции, Италии, России не дало результата. Адмиралы, около пяти месяцев пытавшие организовать «правильное автономное управление», столкнулись с противодействием «как со стороны местных турецких властей, так и со стороны мусульманского населения». «Промедление в установлении прочной центральной власти на острове с применением всех автономных начал управления. возбудили вновь кровавую резню... причем на этот раз первыми зачинщиками явились турецкие войска и мусульманское население». Выждав определенное время, правительство России 2 сентября 1898 г. «вновь обратило внимание шести Великих Держав на необходимость возможно скорее положить предел тяжкому испытанию, коему подвергалось многострадальное критское население». Последовал обмен мнениями между четырьмя державами-Россией, Великобританией, Францией и Италией. Германия и Австро-Венгрия отказались от «непосредственного участия в общих мероприятиях Держав», но «заявили о твердом намерении не препятствовать в осуществлении таковых»<sup>1</sup>. Таким образом, в решении Восточного вопроса «европейский концерт», хотя и не в полном составе, продолжал оставаться основным методом международного урегулирования и поддержания баланса сил.

Положение России было двойственным и сложным. В обострившейся ситуации в российских интересах было не допускать ни односторонних действий Великобритании в поддержку Греции, ни активизации в регионе австро-германского блока, ни военных действий – причем равно опасны были и греческая и турецкая стороны. Не выпуская из виду вопрос о поддержке православных христиан, на которой в значительной степени основывалось влияние России в регионе, необходимо было сохранить «дружественные отношения с соседней Оттоманской империей». Главной же целью оставалась демонстрация миролюбивого, но «твердого и последовательного» характера внешней политики страны<sup>2</sup>. В рескрипте на имя графа Муравьева от имени императора говорилось: «Возгоревшаяся греко-турецкая война угрожала нарушить мир и спокойствие на всем Балканском полуострове». На долю России выпало «историческое призвание дать целесообразное направление происходившим по сему поводу сношениям и достигнуть благополучного разрешения возникших затруднений. Сохранение при этом вполне дружественных отношений со всеми державами явилось прямым доказательством плодотворного влияния политики России»<sup>3</sup>.

Совершенно очевидно, что российская дипломатия в период 1895-1898 гг. постепенно отказывалась от концепции совместных общеевропейских действий, перейдя к политике обеспечения национальных интересов путем заключения

---

<sup>1</sup> Правительственное сообщение «О критских делах» // Ежегодник МИД, 1899, СПб. 1899, с. 317-320.

<sup>2</sup> Там же, с. 322.

<sup>3</sup> Высочайший Рескрипт, данный на имя министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева // Ежегодник МИД, 1900, СПб., 1900, с. 293-294.

соглашений с главным соперником в балканской политике - Австро-Венгрией. Одновременно Россия собирала силы для возможной собственной односторонней, в том числе и военной, акции для решения задачи обеспечения безопасности проливов и усиления своего влияния в регионе.

**Տիգրան Խաչատրյան, Թուրքիայի դերը եվրոպական միջպետական հարաբերություններում 19-րդ դարի 90-ական թթ.,** - Սկսած 19-րդ դարի վերջից եվրոպական հզոր երկրները ակտիվ պայքար էին մղում Օսմանյան Թուրքիայի նկատմամբ գերիշխանություն ձեռք բերելու համար: Ուսումնասիրելով այս ժամանակահատվածի եվրոպական երկրների դիվանագիտական փոխհարաբերությունները հանգում ենք եզրակացության, որ Թուրքիան ակտիվորեն օգտագործում էր հիշյալ երկրների միջև եղած տարաձայնությունները և իր օգտին լուծում թե՛ արտաքին, թե՛ ներքին բազմաթիվ հարցեր: Այդ ամենը օգտագործվեց նաև գերմանական կայսրության ղեկավարության կողմից Մերձավոր Արևելքում գաղութային ծրագրերի իրականացման և նշված տարածաշրջանում ի հակակշիռ Ռուսաստանի հզոր դաշնակից ունենալու համար:

**Tigran Khachatryan, Turkey's Role in the European International Relations in the 90s of the XIX Century,** - Since the 19th century, the European powers were waging active struggle to dominate over against Ottoman Turkey. Studying this period of diplomatic relations between European countries, we come to the conclusion that Turkey was actively using the disagreements among between these countries and solving many foreign and internal issues in its favor. All that was used by the German Empire for the colonial projects in the Middle East and to have a powerful ally in the region in contrast to Russia.

**Тигран Хачатрян,** аспирант Армянского государственного педагогического университета, кафедра Всемирной истории и методики ее преподавания.

